Автор - Анна Германова, Оффенбах-на-Майне (Германия).

Високосный

Весь девятнадцатый молчала,
в двадцатом стала говорить
про то, что на колу мочало,
а в рукаве пырей и сныть,
базар-вокзал, сказал-отрезал,
в стакане лютая бурда,
невыносимым фа-диезом
ломают локти поезда,
стучат суставами и катят,
орехи сыплют из прорех
в какой-то раковой палате,
в какой-то роковой горе,
двадцатый год висит и косит,
не перекосит, не замнёт,
и каждой позвоночной костью,
как лентой, входит в пулемёт,

грохочет по плечам отдача
и вглядывается жерло
в того, кто мчится там и скачет
под хладной високосной мглой,
и перегон гремящий долог,
и бесконечен перелёт,
пока зазубренный осколок
на ощупь сердце не найдёт.

Мельник

Где мельницы полустанков
мукой по дорогам сорят,
где вывернут наизнанку
овчинный тулуп января,
где полночь бледней и выше,
а облачный жёрнов тяжёл,
где вьюга дымит по крышам,
в распыл отправляя помол,
следов не видать на белом,
да нас и не ищет пока
тот мельник, что ставит мелом
кресты на дверных косяках.

Голубятня

«И если в дверь мою ты постучишь...»
ААА, 1912

Хоть верь, хоть нет, но ничего
не надо от тебя,
добра и лиха ничьего
от ближнего ли, дальнего,
вола его, осла его
и всякого скота его
не надо нам, а голубям
довольно крошек на окне,
тепла в чужих руках,
в безликой неба белизне,
в безбытных облаках,
соломы в солнечных лучах,
воды в колодцах и ключах
по колеям дорог,
дождей из божьих закромов,
а изо всех земных домов —
такой, чтоб в двери постучать

ты никогда не смог.

